

ПАВЛОВА А.В.

Майнц, Германия

pavlova@uni-mainz.de

81*38

DOI 10.26170/ufv20-02-05

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА НА ОСНОВЕ ПРОСОДИИ

Аннотация. В статье исследуются типы языковых игр, базирующихся на просодических (интонационных) параметрах. Исходный тезис: без просодии понимание смысла неосуществимо. Просодия здесь рассматривается лишь в трех аспектах – выбор места паузы, выбор места наиболее сильного фразового ударения, мелодическая конфигурация. Языковые игры, основанные на просодии (ЯИП), могут иметь различные лингвистические источники: 1. Потенциальная подвижность паузы и, как следствие, изменение смысла; 2. Нарушение просодической цельнооформленности фразеологизма, в результате чего разрушается идиоматичность; 3. Сопряженная с акцентогенностью лексическая полисемия или омонимия; 4. Привычность распределения акцентов в определенных типах речевых актов; 5. Рефлексия услышанной ошибки в просодическом оформлении фразы.

Ключевые слова: языковая игра, каламбур, просодия, интонация, акцентный фокус, просодический фокус, акцентогенность, пауза, речевой акт

PAVLOVA ANNA

Mainz, Germany

LANGUAGE GAMES BASED ON PROSODY

Abstract. The focus of this study was to find out which prosody parameters can be used in language games. The main thesis is that as follows: there is no sense understanding without involving of prosody. There are three parameters of the prosody which are regarded: the position of prosodic pause, the position of the sentence stress and the melodic configuration. These parameters serve as the foundation for special kinds of language games. They are called here „Language Games based on the Prosody (LGP)“. The selection of the pause position can change the sense of a sentence completely. The same is relevant for the sentence stress and its position. The linguistic sources for the LGP are: 1. Potential change of the pause po-

sition and the ambiguity of the sense related to it; 2. Destroying of phraseological meaning by change of sentence stress position; 3. Lexical polysemy in connection to the prosodic „behaviour“ of polysemic words; 4. Prosodic „behaviour“ of words in different speech act types; 5. Reflection of prosodic errors in the oral speech.

Keywords: language game, pun, ambiguity, prosody, intonation, prosodic contour, polysemy, sentence stress, pause, potential accent of words, speech act

В настоящем исследовании рассматривается функциональный (семантический) аспект интонации. Речь пойдет об интонационных параметрах, которые Майкл Халлидэй [Halliday: 1967: 18–30] описывает как три относительно независимые друг от друга «системы выбора»: а) способ разбиения предложения на синтагмы (расстановка пауз); б) выбор интонационного центра синтагмы или фразы; в) способ оформления интонационного центра синтагмы или фразы – выбор одного из возможных типов изменения основного тона. При этом употребление таких терминов как «интонационный центр синтагмы»; «просодический фокус синтагмы» или (в том же значении) «синтагматическое ударение» избавляет от необходимости уточнять, в какой именно функции выступает данное средство – для маркировки ремы, для выделения контраста, для оформления цельности словосочетания, для сигнализации особой эмфазы или реализации иной функции. Таким образом удается оставить за рамками данного исследования полемику, касающуюся соотношения понятий «фразовое ударение», «логическое ударение», «эмфатическое ударение», «акцентное выделение», ср. [Николаева: 2000: 56–64, Павлова 2007: 65; Павлова, Светозарова 2017: 9–10]. Слова, на которые приходится просодический фокус синтагмы или фразы, если фразы представлена одной синтагмой (ПФС), выделяются в тексте этой статьи подчеркиванием.

Интонация обнаруживает себя явно в устной речи, но она является и имманентным элементом чтения: она необходима для понимания смысла высказывания на письме. При чтении про себя интонация присутствует во внутренней речи: мысленное акцентирование, мысленное паузирование (синтагматическое

членение), мысленное мелодическое оформление слов и фраз – звенья любого процесса осмысления письменного высказывания. «Ритмико-интонационная организация высказывания возникает не в результате звуковой аранжировки готовой лексико-синтаксической структуры, а в процессе текущего формирования мысли и ее вербализации, в ходе сложного параллельно-временного процесса, который осуществляется одновременно в двух измерениях: вертикальном (“сверху вниз” от речевой интенции к звучанию) и горизонтальном (“слева направо” от начала к концу высказывания)» [Кривнова: 2007: 9]. Осознание смысла при мысленной «расшифровке» письменного высказывания происходит таким же образом: читатель выстраивает свою версию содержания не через проговаривание готового конструкта, а через порождение собственного смысла, и интонирование – один из важнейших этапов этого вида речемыслительной деятельности.

Понимание письменного текста – сложный и многоаспектный психолингвистический процесс. Этот процесс может быть дополнительно усложнен явлением, которое в книге О.А. Лаптевой названо «текстовой омонимией» [Лаптева: 2009], или двусмысленностью⁵ (в редких случаях трактовка допускает и три и даже более вариантов). Омнимичные или многозначные участки текста затрудняют восприятие и приводят иногда к серьезным и чреватым социально значимыми последствиями искажениям смысла. В своей монографии, посвященной текстовой омонимии, О.А. Лаптева подробно рассматривает самые разные явления неоднозначности отрезков текста: синтаксис, морфологические формы, лексические значения, актуальное членение предложения, фонетически неоднозначные явления при восприятии речи на слух. Есть в этой книге и сравнительно небольшой раздел, посвященный интонационным параметрам – мелодике и фразовому ударению. Об интонационном разрешении неумышленной синтаксической омонимии подробно пишет Н.Д. Светозарова [Светозарова: 2007].

---

⁵ В литературоведении принят термин «амфиболия».

При анализе случаев неоднозначной трактовки смыслов необходимо различать намеренную (один из видов языковой игры) и ненамеренную двусмысленность, вызываемую не только ошибками или небрежностью говорящего, но и объективными причинами – например, многозначностью синтаксической конструкции; даже если таковая говорящим осознается как многозначная, он не всегда имеет возможность ее заменить.

Языковая игра на просодии (ЯИП) как форма намеренной смысловой неоднозначности встречается преимущественно в письменной форме речи. При устной реализации высказывания проблематика многозначности обычно отпадает и двусмысленность письменного варианта теряет релевантность.

По-видимому, одна из самых старых ЯИП – знаменитая крылатая фраза

(1) *Казнить нельзя помиловать,*

происхождение которой в точности неизвестно: ее приписывают и Петру I, и Александру III, а ее испанский вариант

(1a) *Perdón imposible que cumpla su condena –*

императору Карлу V. Имеются варианты этой фразы и в других языках. ЯИП покоится здесь на неоднозначности синтагматического разбиения этого сочетания слов: неясно, где пауза. На основе этой крылатой фразы рождаются аналогичные по типу игры; главным образом, в заголовках СМИ:

(1б) *Курить нельзя бросить (iVBG.ru – Новости Ленобласти);*

(1в) *Отставлять нельзя оставить (Коммерсант);*

(1г) *Запретить нельзя разрешить (Deutsche Welle);*

(1д) *Стрелять нельзя защищать (Жемчужины мысли).*

Как видим, наряду с неоднозначностью места паузы авторы этих заголовков пользуются дополнительными игровыми элементами – антонимией (*запретить / разрешить*), устойчивостью коллокации (*бросить курить*), фонетическим подобием – паронимазией (*оставить / оставить*). Дополнительные элементы обогащают игру, делают ее привлекательнее, занимательнее и глубже. Аналоги подобных игр имеются, например, в английском:

(1e) *Let's eat grandma.*

(1ж) *A woman without her man is nothing.*

ЯИП, основанная на неясном месте паузы или вариативности расположения наиболее сильного акцента, довольно охотно используется в заголовках. Простейшая игра на месте просодического фокуса синтагмы (ПФС) и лексической семантике – заголовков

(2) *Медведев против Леопарда (Грани.ру).*

Как только мы ставим сильное ударение на слове *против*, трактуя значение этой лексемы как ‘выступает против’, то она становится сказуемым, а все предложение полносоставным (двусоставным). А если это предлог в значении ‘в сравнении’, то предложение неполное (назывное, номинативное), сказуемого в нем нет. И сопровождается все это игрой со значениями фамилии *Медведев*: в случае сказуемости слова *против* фамилия называет известного политического деятеля, ответственное государственное лицо; в номинативном же предложении эта же фамилия ассоциируется с животным, так что даже прописная буква отчасти теряет свою значимость. И все эти игры так или иначе вращаются вокруг места просодического фокуса, именно оно здесь имеет определяющее значение для создания ЯИП.

Игру, в которую вовлечен ПФС, можно встретить не только в заголовках прессы, но и в рекламе, и в авторских текстах. Известная фраза Гоголя

(3) *Редкая птица долетит до середины Днепра*

приобретет совсем иной смысл и иной ПФС при минимальной трансформации: говорящий выражает оптимистичную уверенность в том, что вполне конкретная птица экзотической породы до середины Днепра долететь сумеет:

(3a) *Редкая птица долетит до середины Днепра! (Я уверен!)*

Однако этот пример возможен лишь в устном варианте, так как на письме акцентное подчеркивание глагола *долетит* не выразить. Зато в письменной речи можно изменить время глагола:

(3б) *Редкая птица долетела до середины Днепра.*

И при такой трансформации – независимо от того, где расположен фокус, на глаголе или на последнем слове фразы – ясно, что слово *птица* употреблено референтно. Кстати, именно на игре смыслов, порождаемых многозначностью слова *редкий*, основана довольно известная шутка

(3в) *В середине Днепра обнаружено кладбище редких птиц.*

Или (из книги «Уроки мудрости. Притчи, байки и истории от психотерапевта» Дм. Ковпака):

(3г) *Пингвин – птица редкая. Значит, до середины Днепра долететь должна.*

Особенно популярно обыгрывание просодического оформления фразеологических единиц. Устойчивый просодический контур в принципе является одной из важнейших черт фразеологической единицы [Найдина 1995; Курникова 2003; Логинова 2014; Павлова, Светозарова 2017: 346–365]. При смещении места просодического фокуса идиоматичность часто, хотя и не всегда, разрушается. Этот факт до сих пор игнорируется в большинстве лингвистических работ, посвященных фразеологии, но осознается многими журналистами или просто сочинителями анекдотов.

Чтобы показать, насколько ПФС значим для понимания фразеологии, можно привести несколько примеров языковой игры, основанной полностью или отчасти на смещении просодического фокуса:

(4) *Главный претендент на создание российской ОС поставил крест на своем планшете (Newsru.com)*

При ПФС на слове *крест* перед нами сказуемое, выраженное идиомой *поставил крест* в значении ‘отказался’ или ‘навсегда распрощался’ (с планшетом). Если акцент со слова *крест* убрать и сместить его на последнее слово – *планшете*, то идиомы в этой фразе нет, сказуемое выражено глаголом *поставил*, а существительное *крест* синтаксически являет собой дополнение (что поставил на планшете?). Нет сомнений, что журналист играет здесь с местом просодического фокуса намеренно. Другой пример:

(5) *Бог с ним. Олег Кашин о Патриархе Московском и Всея Руси Кирилле (Коммерсант).*

Идиома бог с ним с фиксированным ударением на первом слове разрушается только за счет того, что в данном случае ударение оказывается смещено на последнее слово, поскольку заголовок ассоциируется с другой паремией: *С нами бог!* (если переставить элементы последней местами, получим: *Бог с нами!*). Игровой элемент заключается в том, что заголовок прочитывается одновременно в обоих вариантах: в первом, так как он графически совпадает с известной идиомой, означающей ‘ну и пусть’: *Бог с ним* (однако это значение в данном контексте не имеет смысла), и во втором, потому что в этом случае он осмыслен: *Бог с ним.*

Вот еще один пример игры с ударениями: заголовок

(6) *И дела нет (Kasparov.ru)*

– трактуемый на первый взгляд как идиома, прочитывается с наиболее сильным акцентом на слове *дела*: (*кому-л. до чего-л.*) и *дела нет*. В заметке пишется о том, что редактор журнала The NewTimes, вызванная повесткой на допрос в ГУВД, объявила о том, что она туда не пойдет, пока не заведено уголовное дело. Следовательно, смысл заголовка иной, к идиоме отношения не имеющий: ‘(уголовного) дела не существует’. Значит, и прочитать его требуется иначе: *И дела нет.* Понятно, что автор заметки обыгрывает противоречие между идиоматическим и неидиоматическим смыслом, сталкивая два акцентных контура.

А вот пример заголовка из журнала «The NewTimes»:

(7) *Русское оружие идет по миру*

Языковая игра прозрачна и основана только на месте ПФС: если группа *по миру* – идиома, то ударение стоит на предлоге: *Русское оружие идет по миру*, что означает: ‘русское оружие обнищало’, ‘русское оружие просит подаяния’. Если это не идиома, то ударение на последнем существительном: *Русское оружие идет по миру*, и это означает: ‘русское оружие распространяется по всему миру’ – т.е. ровно то, что выражено в заголовке, если исключить из него идиоматичность.

Некоторые значения лексем столь тесно связаны с их «акцентным поведением» при их употреблении, что без него в принципе не реализуются. Вряд ли сегодня кто-либо усомнится в том, что «мелкие» служебные, так наз. «дискурсивные» слова типа *да, еще, иначе, один, сам, только, что, также* и многие другие обладают разными значениями, неразрывно связанными с их акцентуацией. Они достаточно хорошо и подробно описаны в литературе [Николаева 1985; Кобозева 1991; Киселева, Пайар 1998; Кобозева, Захаров 2004]. Однако то же релевантно для множества полнозначных многозначных слов – глаголов, прилагательных, существительных, наречий. Несмотря на то, что лексикографическая практика игнорирует потенциальную акцентуацию в принципе, некоторые описания словарных значений косвенно можно соотнести с акцентным или безакцентным употреблением соответствующего слова в речи. Например, для глагола *вырасти* Большой академический словарь русского языка (БАС) указывает, в частности, значение ‚достигать более высокой ступени в культурном развитии‘, которое можно сопоставить его употреблению в роли акцентоносителя, ср.:

(8а) *Эта компания выросла из мелкого бизнеса.* – (8б) *Эта компания выросла из мелкого бизнеса.*

В (8а) глагол *выросла* означает ‘возникла’, в (8б) ‘переросла’ в переносном значении: ‘рамки мелкого бизнеса компании стали тесны’, что соотносится с тем значением, которое описано в БАС. Нетрудно заметить, что в (8б) значение глагола оценочно, в то время как в (8а) оценочная сема отсутствует. Если оставить здесь только одну фразу, не маркируя в ней место просодического фокуса, то возникнет многозначная (двусмысленная) конструкция, которая может служить основой ЯИП. В конце книги [Павлова, Светозарова 2017] приводится обширный Словарь «интонационной омонимии». В принципе, любая лемма этого словаря может служить источником языковых игр, основанных на просодии. Ср.:

(9а) *Она прямо плывет.* – (9б) *Она прямо плывет.*

(10а) *Все против меня сговорились: родня и соседи заодно.* – (10б) *Все против меня сговорились: родня и соседи заодно.*

*(11а) Тебе показалось, что вода шумит. – (11б) Тебе показа-
лось, что вода шумит.*

Разные значения акцентированных (подчеркнутых здесь) слов и их не несущих главное ударение «двойников» очевидны. Такая полисемия, связанная с акцентуацией, потенциально обеспечивает бесконечное количество просодических каламбуров.

Не надо думать, что любая полисемия сопряжена с различным «акцентным поведением» многозначных слов при их реализации в речи (эта тема подробно освещена в [Павлова, Светозарова 2017: 495–508]). Однако примеров взаимосвязи и взаимозависимости между лексической семантикой и «акцентогенностью» (термин принадлежит Т.П. Скориковой, см. [Скорикова 1995]) лексико-семантических вариантов (ЛСВ) многозначных слов множество.

Для некоторых остроумных авторов роль ПФС в различении многозначности или омонимии столь несомненна, что они используют эту роль в языковых играх. Например, в четверостишии Дмитрия Быкова обыгрывается глагол *отбрасывать* в его акцентном и безакцентном употреблении, связанном с соответствующим значением:

*(12) Кому-кому, а нам известно,
Хоть пять корон себе надень:
Коль наша тень меняет место,
То мы отбрасываем тень.*

Писатель намеренно сталкивает здесь в одном словосочетании безакцентное употребление глагола в коллокации *отбрасывать тень* и акцентогенный ЛСВ (или омоним) этого глагола в значении ‘отказываться от чего-л.’.

Иногда читателю может быть не вполне ясно, что перед ним – языковая игра или просто случайная омонимия. Например, заголовок в газете «Комсомольская правда» гласит:

(13) Белорусский боксер Сергей Ляхович: «В Витебске я наелся колдунов».

Первое, что приходит в голову – ударность глагола *наелся* в его переносном оценочном значении ‘что-л. сильно надоело’ – в

данном случае, видимо, боксеру надоели колдуны. Хотя фраза, если ее так понять, внушает некоторые сомнения относительно ее стиля, да и содержание ее производит впечатление странного. При чтении текста выясняется, однако, что *колдуны* – это название картофельных котлет, традиционного белорусского блюда. Смысл фразы, следовательно, в том, что человек, будучи в Витебске, этих картофельных котлет много съел – фраза чисто информативная, акцент на глагол не ставится, а ПСФ располагается на последнем слове. Имел ли в виду автор заметки языковую игру, включающую интонацию, – остается неясным.

На многозначности слова *редкий* (1. ‘необычный’, 2. ‘вряд ли’) основана и игра, рассмотренная здесь в примерах (3 – 3г). Ср.:

(14) *Редкий прохожий пройдет мимо и не заметит.*

Если ПФС приходится на прилагательное *редкий*, фраза означает ‘Вряд ли прохожие не заметят; скорее всего, любой заметит’; а если это слово безударно, то фраза означает, что прохожих (в это время или в этом месте) было мало, и никто из них не замечал (чего-то). Фактически варианты с ударным и безударным прилагательным *редкий* омонимичны друг другу.

ПФС может быть связан не столько с лексическим значением многозначного слова, сколько с его привычным «акцентном поведением» в том или ином типе речевого акта. Рассмотрим для примера вот такой личный диалог в «чате»:

(15) *А.: Работать сегодня неохота!*

Б.: Ну так и не работай.

А.: Немного надо, чтобы производственный процесс поддержать.

В ответной реплике А. имеет в виду *Немного надо* (*поработать*), *чтобы...* и явно делает ПФС на модальном предикативе *надо*. Но Б. может понять его реплику (поскольку она представлена ему только в письменной форме) и иначе: *Немного надо, чтобы...* – т. е. ‘достаточно уже и небольшого усилия, чтобы оказать поддержку производственному процессу’. Перед нами настоящий «просодический каламбур», основанный на привычности акцентуации тех или иных слов в рамках осмысления ин-

тенции автора и иллюстрации речевого акта. При ударности слова *немного* фраза выражает иронию. По сути дела, в (14) наблюдается аналогичная картина: прилагательное *редкий* в значении ‘вряд ли’ всегда ударно, а речевой акт с таким ударным вариантом выражает сомнение.

Интересно, что игра на интонационной омонимии встречается не только в письменном, но и в устном дискурсе. Здесь наблюдаются случаи использования лексической многозначности, когда одно из значений многозначного слова потенциально ударно, а другое безударно – уже на уровне ментального лексикона, хранения слов в памяти.

В сериале «По ту сторону волков» милиционер и молодой солдат ведут такой диалог (дело происходит в 1946 году):

(16) – *Заменил ушедшего на фронт отца по малолетству?*

– *Точно. Все отцов заменили. Параюты делали. Я лично колючки для карабинов изготавливал.*

– *А-а-а, ну раз лично!*

Солдат не выделяет наречие *лично* акцентом: он сообщает, в чем заключалась его задача по сравнению с работой других, а наречие использует в роли модального слова (‘что касается меня, то...’). А милиционер, иронизируя, употребляет здесь омоним: *лично* в значении ‘собственной персоной’. На двух разных значениях глагола *воспитывать*, а также на столкновении пресуппозиции и ассерции построена следующая шутка:

(17) *Вас воспитывал отчим? – Не очень-то воспитывал.*

Игра основана на многозначности глагола *воспитывать*. Участник диалога, задавая вопрос, хочет знать, кто растил его собеседника. Тот на вопрос (кто?) не отвечает, а реагирует на пресуппозитивную часть вопросительной реплики, одновременно подменяя значение глагола на ‘прививать хорошие манеры’.

На многозначности прилагательного *настоящий* построена «звучащая» реклама в телевизионном ролике, посвященном спортивным товарам:

(18) – *Скажите, внутри ваших пуховиков настоящий пух?*

– *Внутри наших пуховиков настоящие чемпионы!*

Все эти примеры из устной коммуникации свидетельствуют о том, что хотя при устной реализации высказывания проблематика многозначности в принципе должна была бы отпадать, в сознании реципиентов сохраняются ударные и безударные варианты значения многозначного слова, которые могут «сыграть» в устном диалоге.

Возможны в устной речи и игры в связи с просодической цельюоформленностью фразеологизмов. Вот какую историю о своем знакомом, арестованном еще при Сталине, повествует Лев Рубинштейн:

(19) Когда он услышал формулировку обвинения, его это настолько огорошило, что он <...> стал гомерически хохотать. Следовательно, человек со стертой, как и полагается, наружностью и пустынным взглядом, довольно хладнокровно пережидал хохот подследственного. А пока он старательно прошивал какие-то бумажки толстой портняжной иглой. Но нервное веселье моего знакомого, усугубленное юношеским легкомыслием и слишком уж сюрреалистическим даже для того времени обвинением, настолько обуюло его, что он счел возможным поинтересоваться: «Белыми нитками шьете, гражданин следователь?» На что тот, надо отдать ему должное, среагировал быстро, спокойно и не без некоторого даже остроумия. Он посмотрел на него, слегка улыбнулся и коротко произнес: «Суровыми, молодой человек, суровыми». Мгновенное проявление чего-то живого и человеческого в этой безликой машине слегка взбодрило моего знакомого. Но ненадолго: суровость белых государственных нитей из легкомысленного каламбура очень быстро превратилась в реальность. (Грани.ру)

Скорее всего, подсудимый задал свой вопрос, сделав контрастное ударение на прилагательном *белыми*. С точностью мы это уже не узнаем, но его собеседник очень точно и быстро реагирует, осознав и фразеологический смысл употребленного выражения *шить белыми нитками*, и «свободное», неидиоматическое значение прилагательного.

Наконец, в устной речи можно реализовать игры, основанные на мелодическом варьировании участков высказываний или целых высказываний. Этот вариант ЯИП встречается, например, в анекдоте:

(20) *Заключённые рассказывают, за что их посадили. Доходит очередь до Рабиновича. «Меня посадили за стихи. Я читал с трибуны Маяковского». – «Да разве могут за Маяковского посадить? Что же ты читал из Маяковского?» – «Я читал: ‘Я знаю, город будет? Я знаю, саду цвёт?’»*

Этот анекдот эффектен только в устной реализации, так как важно показать голосом не просто вопросительную интонацию, но и сделать сильное ударение на глаголе *знаю*, а весь участок высказывание *Я знаю* произнести певуче, как в одесском (руско-идишском) варианте скептического ответа (*Я знаю?*). Фраза приобретает тем самым иллюзию сильного сомнения в том, что город будет и саду цвёт.

Особняком стоит языковая игра, которая возникает как следствие осмысления просодической ошибки – ошибки в просодическом оформлении подслушанной фразы. Например, некто А. услышал, как актриса, играющая в одном радиоспектакле, говорит устами своей героини, которая только что добилась своей заветной цели:

(21) *Я себя не помню от радости.*

Идиома должна быть оформлена начальным ударением: себя не помню. Словосочетание в произнесении актрисы теряет идиоматичность, и вся фраза из-за потери смысла превращается в нонсенс. А. сообщает об этой истории Б.: *Представляешь, я сегодня в радиоспектакле услышал, как одна актриса...* На это Б.: *Ну что ты хочешь: если она даже себя от радости не помнит, то как же она может помнить, в каком месте в идиоме требуется сделать наиболее сильное ударение?! ЯИП* возникает здесь как обыгрываемое противопоставление нормы и отклонения на базе ненамеренного, ненормативного размещения просодического фокуса в устной речи, в виде рефлексии услышанного.

Причина ошибочного восприятия стилистически нормально письменного текста кроется в некомпетентности читателя. Неправильное синтагматическое членение и неправильная акцентуация текста могут встречаться даже в тех случаях, когда такому прочтению противоречит пунктуация. Так, многие

школьники, не зная устаревшего в современном языке употребления слова *довольно* в значении ‘хватит’, употребляют данное слово как синоним наречия *довольно-таки*, что приводит к весьма распространенной ошибке при прочтении пушкинских строк: вместо правильного

(22) *Царевич я. Довольно, стыдно мне*

Пред гордою полячкой унижаться

читают: *Царевич я. Довольно стыдно мне ...* Это вызывает смех, так как активизирует в сознании потенциальную ЯИП, которая была бы возможна, если бы в письменном тексте не стояла запятая и если бы игровой элемент входил в намерение автора. Множество подобных примеров приведено в работе Т.А. Кругляковой [Круглякова: 2006].

Таким образом, языковые игры, основанные на просодии, могут иметь различные лингвистические источники: 1. Потенциальная подвижность паузы; 2. Нарушение просодической цельнооформленности фразеологизма, в результате чего разрушается идиоматичность; 3. Сопряженная с акцентогенностью лексическая полисемия или омонимия; 4. Варьирование просодических характеристик слов или словосочетаний, связанное с разными типами речевых актов (иллюкцией); 5. Рефлексия услышанной ошибки в просодическом оформлении фразы.

Литература

Киселева К. & Пайар Д. (сост.) Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. – М., 2003.

Кобозева И.М. Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов // Прагматика и семантика. М., 1991. – С. 147–176.

Кобозева И.М., Захаров Л.М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Труды Международного семинара ДИАЛОГ'2004 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. – М., 2004. – С. 292–297.

Кривнова О.Ф. Ритмизация и интонационное членение текста в «процессе речи-мысли»: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2007.

Курникова Н.В. Интонационно маркированные фразеологические единицы в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2003.

Круглякова Т.А. Модификация стихотворного текста в речевой деятельности ребенка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2006.

Лантева О.А. Речевые возможности текстовой омонимии – 3 изд. – М., 2009.

Логина И.М. Фразеология и просодия // Вестник Новгородского гос. ун-та, 44. – С. 218–221.

Найдина Т.Е. Акцентология фразеологической единицы. Автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. – СПб., 1995.

Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании. – М., 1985.

Павлова А.В. Интерпретация акцентной структуры высказывания при восприятии письменной речи // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. 3, часть 3. – СПб., 2007. – С. 65–117.

Павлова А.В., Светозарова Н.Д. Роль фразового ударения в полисемии // Acta Linguistica. Vol. 4, No 2. 2010. – СПб., 2010. – С. 62–78.

Павлова А.В., Светозарова Н.Д. Фразовое ударение в фонетическом, функциональном и семантическом аспектах: монография. (Соавтор: Н.Д. Светозарова). – М., 2017.

Светозарова Н.Д. Синтаксическая омонимия и различительные возможности фразовой интонации // Теория и практика звучащей речи: сб. науч. статей, посвящ. юбилею Е.А. Брызгуновой. – Вильнюс, 2007. – С. 84–93.

Скоринова Т.П. Акцентогенные свойства слова: на материале устной научной речи. Автореф. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1995.

Halliday M.A.K. Intonation and Grammar in British English. – The Hague, 1967.

REFERENCES

Kiseleva K. & Pajar D. (sost.) Diskursivnye slova russkogo yazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo. – М., 2003.

Kobozeva I.M. Problemy opisaniya chastic v issledovaniyah 80-h godov // Pragmatika i semantika. М., 1991. – S. 147–176.

Kobozeva I.M., Zaharov L.M. Dlya chego nuzhen zvuchashchij slo-var' diskursivnyh slov russkogo yazyka // Trudy Mezhdunarod-nogo seminar DIALOG'2004 po komp'yuternoj lingvistike i ee prilozheniyam. – М.: Nauka, 2004. – S. 292–297.

Krivnova O.F. Ritimizaciya i intonacionnoe chlenenie teksta v «processe rechi-mysli»: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. – М., 2007.

Kurnikova N.V. Intonacionno markirovannye frazeologi-cheskie edinicy v sovremennom russkom yazyke. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Ivanovo, 2003.

Kruglyakova T.A. Modifikaciya stihotvornogo teksta v rechevoj deyatelnosti rebenka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – SPb., 2006.

Lapteva O.A. Rechevye vozmozhnosti tekstovoj omonimii – 3 izd. – M., 2009.

Loginova I.M. Frazeologiya i prosodiya // Vestnik Novgorodskogo gos. un-ta, 44. – S. 218–221.

Najdina T.E. Akcentologiya frazeologicheskoy edinicy. Avtoref. dis. na soisk. uch. step. kand. filol. nauk. – SPb., 1995.

Nikolaeva T.M. Funkcii chastic v vyskazyvanii. – M., 1985.

Pavlova A.V. Interpretaciya akcentnoj struktury vyskazyvaniya pri vospriyatii pis'mennoj rechi // Acta Linguistica Petro-politana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij. T. 3, chast' 3. – SPb., 2007. – S. 65–117.

Pavlova A.V., Svetozarova N.D. Rol' frazovogo udareniya v polisemii // Acta Linguistica. Vol. 4, No 2. 2010. – SPb., 2010. – S. 62–78.

Pavlova A.V., Svetozarova N.D. Frazovoe udarenie v fone-ticheskom, funkcional'nom i semanticheskom aspektah: mono-grafiya. (Soavtor: N.D. Svetozarova). – M., 2017.

Svetozarova N.D. Sintaksicheskaya omonimiya i razlichitel'nye vozmozhnosti frazovoj intonacii // Teoriya i praktika zvu-chashchej rechi: sb. nauch. statej, posvyashch. yubileyu E.A. Bryzguno-voj. – Vil'nyus, 2007. – S. 84–93.

Skorikova T.P. Akcentogennye svojstva slova: na materiale ustnoj nauchnoj rechi. Avtoref. ... d-ra filol. nauk. – SPb., 1995.

Halliday M.A.K. Intonation and Grammar in British English. – The Hague, 1967.

©Павлова А.В., 2020

Павлова Анна Владимировна – кандидат филологических наук, научный сотрудник, Universität Mainz, FTSK Germersheim (Майнц, Германия).

Адрес: 76726, Deutschland, Germersheim, An der Hochschule 2.

E-mail: pavloan@uni-mainz.de

Pavlova Anna Vladimirovna – Candidate of Philology, Researcher, Universität Mainz, FTSK Germersheim (Mainz, Germany)